

Ключ к прошлому: ареальное распределение фольклорных мотивов

[Юрий Березкин](#)

Как размножаются сказки

Мифы и сказки – это фольклор, т.е. часть культуры. От Э. Дюркгейма и К. Гирца мы знаем, что любой элемент культуры провоцирует ассоциации, эмоции и оценочные суждения, он всегда что-то значит. Эти значения не имманентны, они формируются в коллективах, так что одни и те же предметы или идеи носителями разных культур и субкультур оцениваются по-разному. В то же время элементы культуры не возникают спонтанно, не выдумываются, а усваиваются людьми по мере социализации, т.е. копируются из поколения в поколение и переходят от одних коллективов к другим. Даже в евро-американской культуре XIX в. и позже с ее установкой на творчество и стремление к переменам изменения происходили достаточно постепенно – первые автомобили копировали кареты. Важную роль играло взаимодействие с другими культурами. Самый яркий пример – влияние японской традиции на западную, породившее эстетику магазинов ИКЕА.

От большинства других сфер культуры фольклор отличается отсутствием значимых связей со сферой жизнеобеспечения. В длительной перспективе господство определенных сюжетов и образов, может быть, и влияет на ход исторического развития, хотя это невозможно проверить. Но в повседневной жизни охотнику, земледельцу или ремесленнику совершенно неважно, что ему рассказывают зимними вечерами или какие фигуры принято различать в силуэте лунных пятен. Если же элементы культуры нейтральны и не требуют существенных затрат для своего сохранения, если их наличие или отсутствие безразлично для развития общества, то процесс их самокопирования может продолжаться неопределенно долго.

Так что вопрос, почему, например, в греческой мифологии появились мифы об Икаре или титанах, столь же неправомерен, как и вопрос, почему эллины называли солнце Гелиосом, а землю Геией. То и другое обусловлено уходящей в неопределенную глубину веков и тысячелетий чередой актов копирования (временами с ошибками) более ранних повествовательных и языковых форм, а не внезапно возникшей необходимостью или творческим актом. Попытки объяснить содержание фольклорных сюжетов и образов особенностями психики, социальной организации или экономики делались многократно, но их легко опровергнуть путем простого картографирования фольклорных мотивов.

Американский фольклорист А. Дандес описывал содержание одного из космогонических мифов чукчей языком психоанализа (Dundes 1962). Его заключения остроумны, но теория Фрейда относится ко всем людям, а не конкретно к обитателям Берингоморья, тогда как выбранный Дандесом сюжет редок и в большинстве регионов мира отсутствует. Русский фольклорист В.Я. Пропп объяснял центральный эпизод мифа об Эдипе (убийство отца и женитьбу на матери) переходом от наследования по материнской линии к наследованию по мужской линии – этот конфликтный момент и отразился в сюжете (Пропп 1976). Не знаю насчет форм наследования, но если такой переход вообще имел место, то вряд ли только в древней Эгееде. Между тем точных параллелей данному эпизоду Фиванского цикла за пределами средиземноморско-кавказского ареала по существу нет, а с другой стороны, убийство сыном отца встречается в фольклоре и мифологии носителей самых разных культур в обществах любого типа.

Даже в тех случаях, когда содержание мифов вроде бы должно напрямую зависеть от внешних факторов, все не так просто. Вот пример. Системы земледелия в Южной и Центральной Америке, в Юго-Восточной Азии и Океании похожи и основаны на выращивании не только (а часто и не столько) зерновых культур, сколько клубне- и корнеплодов, а также плодовых деревьев, размножающихся не семенами, а вегетативно. У индейцев Америки и у обитателей индо-тихоокеанской окраины Азии много мифов о происхождении соответствующих культурных растений, и мифы эти по разные стороны Тихого океана тоже похожи (Hatt 1949). В Средиземноморье и на западе Евразии господствует зерновое земледелие и здесь мифов на сюжеты, характерных для циркумтихоокеанского региона, не обнаружено. Казалось бы, зависимость содержания мифов от экономики налицо. Однако «индонезийско-амазонских» сюжетов нет и в тропической Африке, где тип земледелия тот же, что в Индонезии и Амазонии. Более того: в африканских повествованиях тема этиологии растений (не важно – культурных или дикорастущих) вообще отсутствует. Само собой разумеется, что ни на урожайности сорго, ни на ритуальной жизни сельских общин это не отразилось.

Изучение фольклора и мифологии сравнимо с изучением физических особенностей человека, скажем, с дерматоглификой, в сфере интересов которой – папиллярные узоры на подушечках пальцев рук. То, что кожа на пальцах не гладкая, имеет физиологический смысл. Также и у фольклора есть свои социальные функции (Малиновский 2004; Vascom 1954). Но ни конкретная форма узоров на пальцах, ни конкретное содержание устных рассказов на жизни людей не сказываются. Эту форму и содержание можно изучать в контексте физиологии или фольклористики, но для нас данные материалы важны как исторический источник. Сравнение папиллярных узоров и традиционных повествований, характерных для разных популяций, помогает проследить былые связи между коллективами людей.

Здесь сделаем оговорку: наша параллель с физической антропологией и генетикой неполная. Физиологические признаки наследуются. Обладатели одинаковых гаплогрупп наверняка имели общего предка. Рассказчики же одинаковых историй вовсе не обязательно должны быть родственниками: культура передается в процессе общения, а не генетически. Что же

способствует такой передаче или мешает ей?

Очевидно, что в бесписьменных обществах для передачи культуры необходимы личные контакты между людьми. Соответственно наборы фольклорных эпизодов и образов будут распространяться тем быстрее и полнее, чем чаще контакты. В обществах с высокой демографической плотностью обмен информацией будет активным и быстрым, а между небольшими разрозненными коллективами – медленным. Повествования, воспринимаемые как ценность, принадлежащая именно данной группе людей, вряд ли заимствуются столь же легко, как тексты, которые ореола сакральности лишены. И, наконец, многое зависит от композиции повествований. Некоторые запоминаются сразу, а другие с трудом. На протяжении столетий и тысячелетий должен был происходить отбор сюжетов на запоминаемость. Результатом такого отбора и являются полторы-две тысячи сказочных сюжетов, записанных в нуклеарной области Старого Света. Именно они отражены в стандартных указателях по системе Аарне – Томпсона – Утера (Uther 2004). В фольклоре австралийских аборигенов повторяющихся эпизодов мало, почти каждый рассказ уникален, фабулы кажутся нелогичными, поэтому результатом систематизации текстов может быть лишь антология, а не указатель (Waterman 1987). У индейцев Америки тексты более стандартизованы, но все же не настолько, как в западноевразийском фольклоре. Поэтому попытки систематизировать американский фольклорный материал также привели к созданию антологий, а не формализованного каталога (Bierhorst 1985; 1988; 1990; Thompson 2000).

Передача фольклора по вертикали (от родителей к детям) и по горизонтали (между людьми, которые родственниками не являются) существовала всегда, но первый вариант, вероятно, преобладал на ранних исторических этапах, особенно в эпоху начального освоения ойкумены людьми современного вида, а второй – в недавнее время, после увеличения демографической плотности и формирования сети интенсивного обмена информацией в пределах большей части Старого Света. Рассмотрим первый вариант на примере данных о заселении Америки, а второй – на примере фольклорных традиций Западной Евразии.

Фольклор как источник данных о заселении Нового Света

Сложившийся сейчас сценарий заселения Америки примерно таков.

Рис. 1. Типичные каменные орудия эпохи заселения Нового Света (соотношение масштабов приблизительное). Слева: наконечник кловис, в центре – наконечник линд-коули (западная традиция черешковых наконечников, WST), справа – орудия бразильской традиции итапарика.

В период ледникового максимума, когда уровень моря был на 120-130 м ниже современного, люди заселили обнажившиеся части континентального шельфа, в том числе находившиеся в пределах нынешних акваторий Берингова и Чукотского морей. Оттуда примерно 17 тыс. кал. л.н. они проникли на юг, обогнув на лодках покрытый ледником нынешний п-ов Аляска и далее

следуя вдоль морских побережий. Освоение внутриконтинентальных районов шло медленно и лишь около 14 тыс. кал. л.н. в Северной Америке распространилась культура кловис (рис. 1 слева). Ее памятники сосредоточены к востоку от Скалистых гор, но встречаются и на западе США. Около 12 тыс. кал. л.н. к западу от Скалистых Гор распространилась традиция черешковых наконечников (Western Stemmed, WST), скорее всего созданная новыми мигрантами из Сибири (рис. 1 в центре; черешковые наконечники характерны для самого нижнего слоя стоянки Ушки на Камчатке). Примерно в это же время или чуть раньше путь по долинам Юкона и Маккензи стал проходимым и движение по нему могло осуществляться в обоих направлениях – из Сибири на юг и с Великих Равнин на Аляску. В период от 15-16 до 10 тыс. кал. л.н. несколько потоков мигрантов достигли западных и южных районов Южной Америки. Бразильское нагорье было заселено около 12-13 тыс. кал. л.н. со стороны атлантического шельфа. Местная традиция итапарика́ непохожа ни на кловис, ни на традиции других регионов Южной Америки и, вероятно, восходит к тем первым мигрантам из Берингии, следы которых скрыты на морском дне (рис. 1 справа). На Аляске палеоарктическая традиция, появившаяся 14-15 тыс. кал. л.н. связана происхождением с дюктайско-селемджинской традицией Восточной Сибири (Котляков, Величко, Васильев 2014). В раннем голоцене на Аляску, по-видимому, проникают создатели сумнагинской культуры, сменившие в Восточной Сибири дюктайцев. 5-4,5 тыс. кал. л.н. американскую Арктику заселили люди с культурой палеоэскимосского типа. В Канаде и Гренландии 800 л.н. потомки этих ранних мигрантов были вытеснены эскимосами инуит (традиция туле). Антропологически самые ранние мигранты в Новый Свет сильно отличались от современных индейцев и обладали протоморфными признаками. В голоцене монголоидные признаки стали заметнее.

Тенденции распространения фольклорно-мифологических мотивов хорошо соответствуют данному сценарию. Показать карты встречаемости сотен мотивов сейчас невозможно, поэтому обратимся к обобщающим результатам статистической обработки данных.

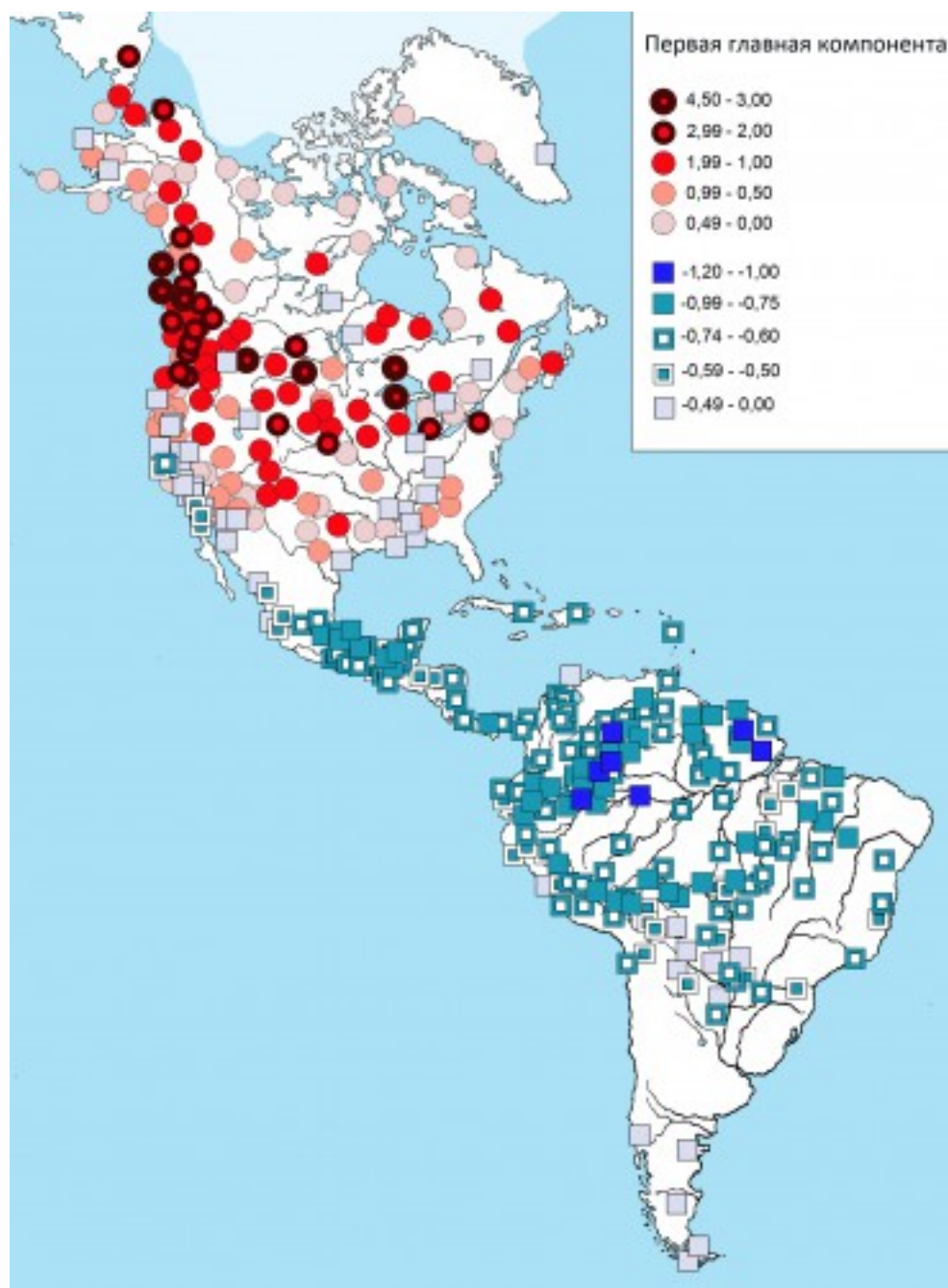

Рис. 2. Результаты анализа данных о распространении 1316 фольклорно-мифологических мотивов по 413 этническим традициям Нового Света. Первая главная компонента (ГК).

База данных фольклорно-мифологических традиций является бинарной (состоящей из нулей и единиц) таблицей, в которой строки соответствуют этносам (традициям), а столбцы мотивам. Таким образом, традиции характеризуются длинными наборами из нулей и единиц, по которым тем или иным способом можно выявлять близкие и отдаленные традиции. Один из таких способов основан на принципах факторного анализа, в рамках которого признаки-мотивы представляются в виде сумм небольшого числа неких скрытых переменных (факторов). Алгоритмы факторного анализа таковы, что при этом представлении по возможности максимально сохраняются исходные корреляции между признаками – мотивами. В результате этого представления каждая традиция характеризуется значениями двух-трех факторов, т.е. происходит существенное сокращение числа переменных. Один из вариантов факторного анализа использует в качестве факторов главные компоненты (ГК), которые формально возникают из совсем другой задачи: найти линейную комбинацию признаков, для которой дисперсия максимальна. Количество таких максимумов совпадает с размерностью задачи. Наибольший из максимумов соответствует первой ГК, второй максимум – второй ГК и т.д. В нашем случае первые три-четыре компоненты берут на себя около 20% изменчивости данных. Это немного, но достаточно, чтобы убедительно дифференцировать традиции по совокупности огромного числа мотивов.

Первая ГК противопоставляет традиции Северной Америки традициям Центральной и Южной Америки (рис. 2). Граница между ними проходит через южную Калифорнию, север Мексики и низовья Миссисипи. Смысл этого деления в том, что на юге в основном сохранилось культурное наследие самых ранних мигрантов, а в Северной Америке оно оказалось частично вытеснено мотивами, принесенными позже. О том, что речь идет именно о разном азиатском наследии, а не дифференциации культуры уже после заселения Нового Света, я скажу ниже. Арктические традиции почти нейтральны, поскольку эскимосы проникли в Новый Свет позже индейцев и ни с северным, ни с южным комплексом напрямую не связаны. На юге Южной Америки наборы мотивов, принесенные более ранними и более поздними мигрантами, смешаны, а в Амазонии и Гвиане ранний набор представлен наиболее ярко.

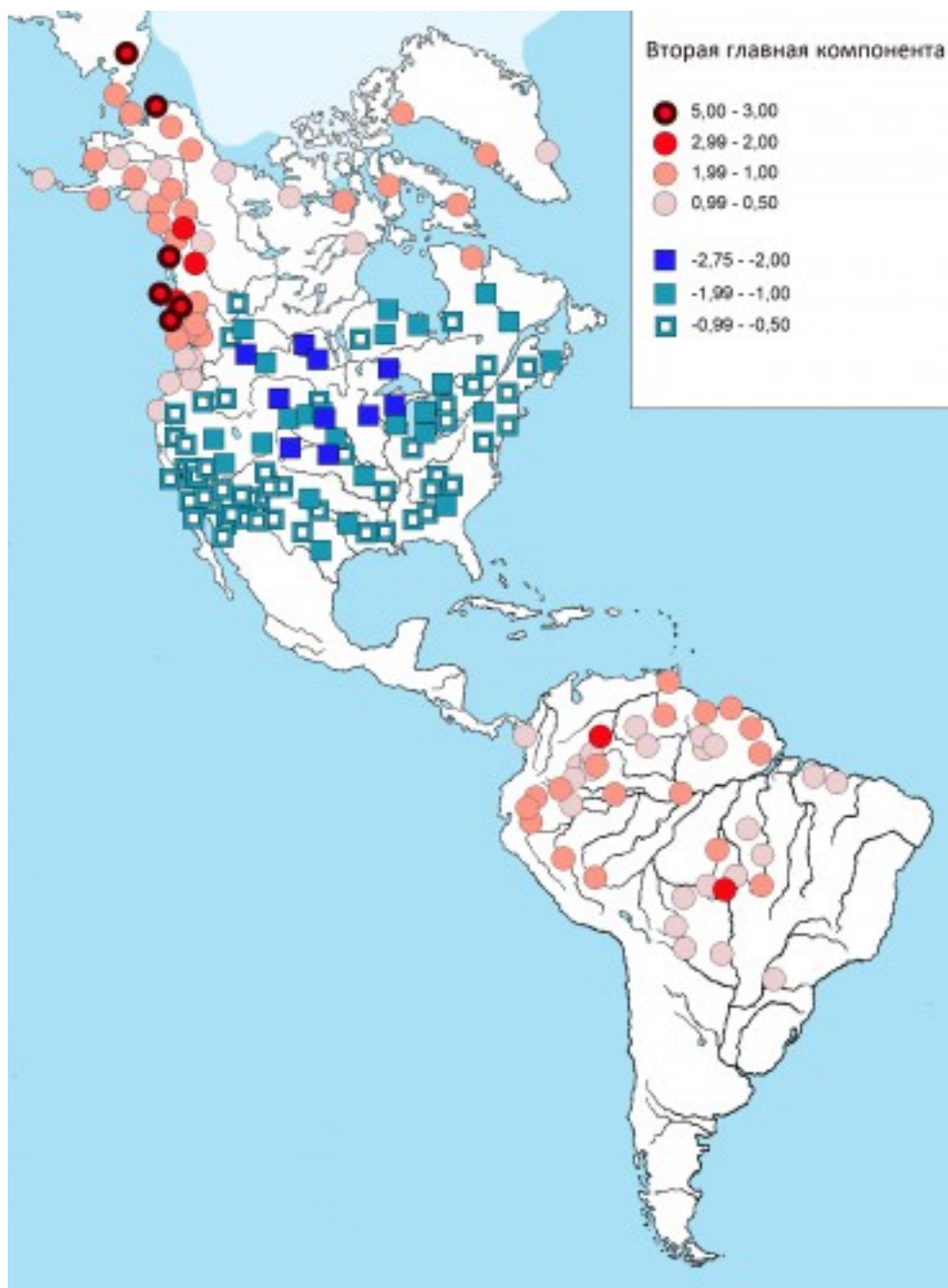

Рис. 3. Результаты анализа данных о распространении 1316 фольклорно-мифологических мотивов по 413 этническим традициям Нового Света. Вторая ГК.

Вторая ГК связывает традиции североамериканского северо-запада с южноамериканскими, противопоставляя их представленным на основной территории Северной Америки (рис. 3). Здесь, видимо, скомбинированы результаты одновременных процессов. С одной стороны, это позднее продвижение эскимосов, а до них, вероятно, народов языковой семьи на-дене, к которой относятся атапаски, эяк и тлинкиты (потомки сумнагинцев или дюктайцев?). С другой, это следы ранних мигрантов, прошедших на юг вдоль Северо-западного побережья Северной Америки (отсюда южноамериканские параллели).

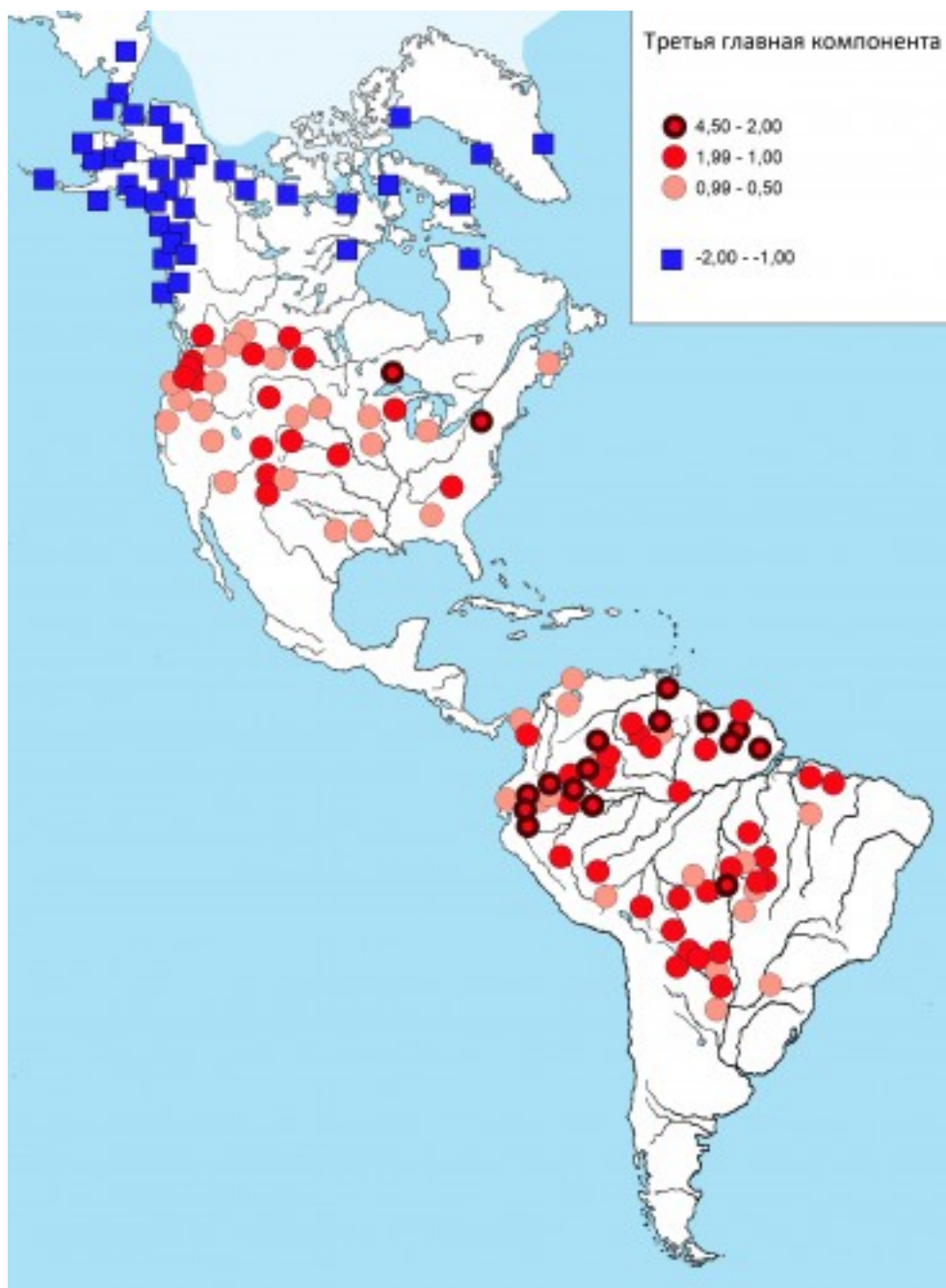

Рис. 4. Результаты анализа данных о распространении 1316 фольклорно-мифологических мотивов по 413 этническим традициям Нового Света. Третья ГК.

Наследие более поздних мигрантов выделяет 3 ГК, противопоставляя север и северо-запад Северной Америки остальной территории Нового Света (рис. 4).

И, наконец, 4 ГК выделяет традиции запада США (рис. 5). Ареальное совпадение с распространением WST на рубеже плейстоцена и голоцена близко к идеальному.

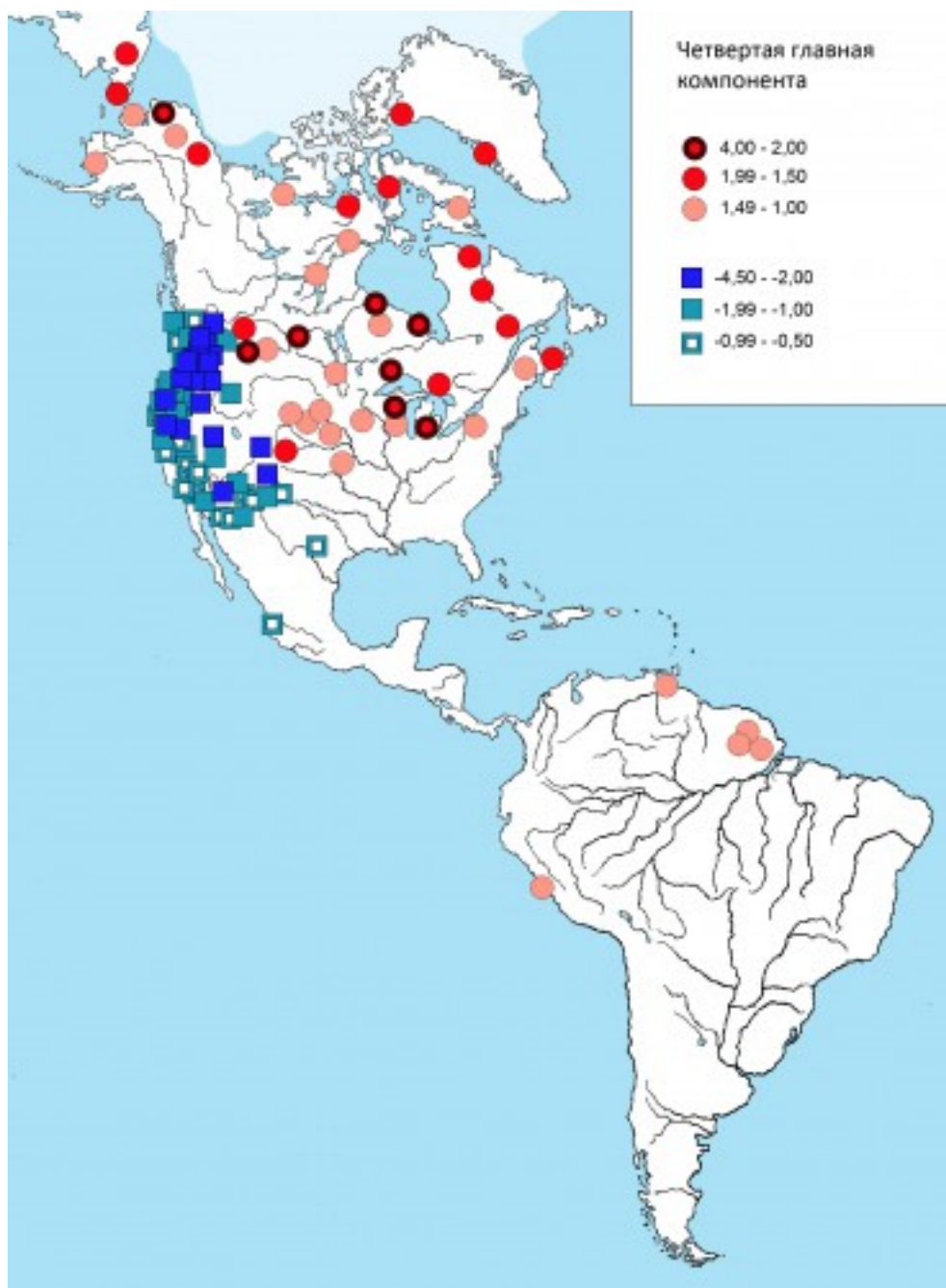

Рис. 5. Результаты анализа данных о распространении 1316 фольклорно-мифологических мотивов по 413 этническим традициям Нового Света. 4 ГК.

Оставаясь в пределах Нового Света, полученные результаты можно истолковать по-разному. Либо речь идет о разных волнах и потоках мигрантов из Азии, либо различия в наборах мотивов сформировались уже на месте в Америке. Чтобы сделать выбор в пользу первого предположения, достаточно сравнить наборы мотивов в Америке и за ее пределами.

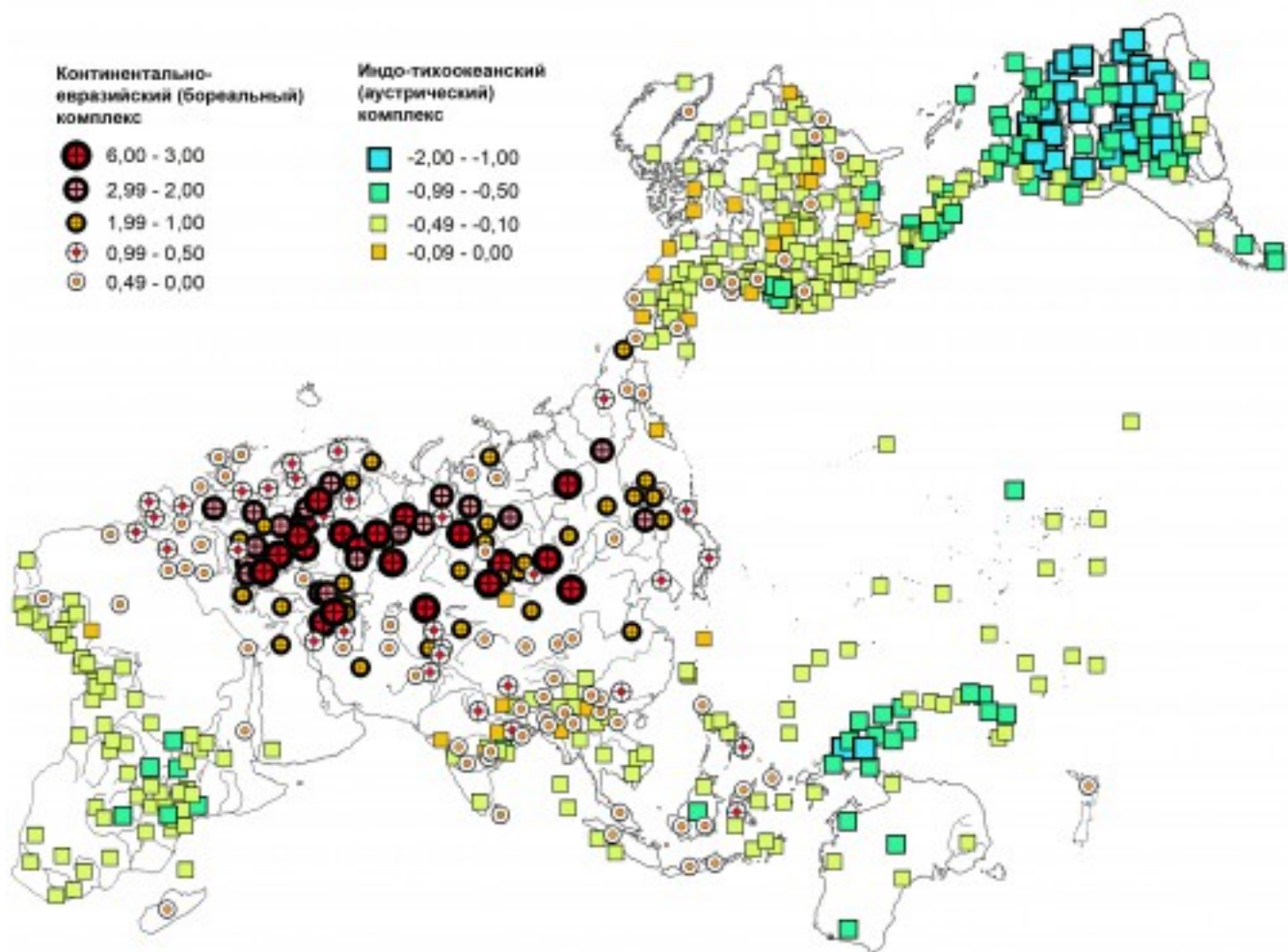

Рис. 6. Результаты анализа данных о распространении 767 космологических и этиологических мотивов по 726 традициям мира. Первая ГК.

То, что в Америке есть два главных комплекса мотивов, стало ясно еще в конце 1990-х годов (Березкин 1998; Berezkin 1998). Расширение базы данных и включение в нее материалов Старого Света показало, что две американские группировки мотивов соответствуют двум максимально отличным друг от друга группировкам мотивов в пределах Старого Света (Березкин 2005; 2006; 2007; 2010a; 2010b; Berezkin 2002; 2005; 2010a; 2010b; 2010c).

Одна из них была названа индо-тихоокеанской, или аустралийской. Она представлена на юге, юго-востоке и востоке Азии в пределах ее индо-тихоокеанской окраины, а также в Австралии, Океании и Америке. В наиболее чистом виде (максимум характерных для нее мотивов и минимум мотивов, характерных для противоположного комплекса) этот набор мотивов зафиксирован в Меланезии, включая Новую Гвинею, и в Южной Америке к востоку от Анд. В Африке южнее Сахары данный комплекс мотивов также преобладает, хотя и не столь выражено, как это может показаться по рис. 6. Характерные для этого региона объяснения происхождения смерти, скорее всего, появились уже у ранних сапиенсов и были перенесены оттуда в индо-тихоокеанский мир в ходе расселения людей современного вида. Однако ряд других этиологических мотивов, видимо, попали в Африку из Индии и Индонезии в ходе контактов в северной части акватории Индийского океана, начавшихся еще во II тыс. до н.э. (Березкин 2015a; Fuller et al. 2011).

Вторая группировка мотивов мирового фольклора была названа континентально-евразийской, или бореальной. Она лучше всего представлена от Восточной Европы до верховьев Амура с максимумом концентрации свойственных ей мотивов от Кавказа до Южной Сибири и Монголии. В Северной Америке мотивы, характерные для данного комплекса, также присутствуют, сочетаясь с мотивами аустралийского круга.

Два основных комплекса мотивов сложились до того, как Америка была заселена – в противном случае в Новом Свете они были бы неразличимы. Формирование этих комплексов могло быть вызвано относительной изоляцией друг от друга Северной (континентальной) Евразии и индо-тихоокеанского мира в эпоху ледникового максимума, когда Тибет и сопредельные горно-пустынные области должны были представлять серьезную преграду для контактов.

Рис. 7. Результаты анализа распределения 1288 фольклорных мотивов по 150 традициям мира.

На рис. 7 представлены результаты обработки данных о распределении 1288 мотивов по 150 традициям Старого и Нового Света (на схеме часть традиций не обозначена, дабы не перегружать поле рисунка). Во внимание принимались лишь те традиции, которые представлены в базе данных не менее, чем 50 мотивами. Ось абсцисс соответствует 1 ГК, а ось ординат – не 2 ГК, а 3 ГК. Вторая ГК противопоставляет традиции Северной Америки традициям Южной Америки и Меланезии, а 3 ГК противопоставляет традиции северо-запада Северной Америки традициям региона Равнин и востока континента. Северо-западные североамериканские традиции ближе сибирским, чем восточные – именно это и хотелось сейчас показать. Южноамериканские традиции сходны с австрало-меланезийскими в пространстве обеих главных компонент. Традиции Юго-Восточной Азии локализованы близ центра координат, поскольку в них смешаны мотивы бореального и аустрального комплексов. Что касается Африки южнее Сахары, то здесь существенно и другое. Мифология тропической и Южной Африки бедна – как уже говорилось, здесь нет, например, этиологических мотивов, объясняющих особенности видов растений. Формирование бореального и аустрального комплексов мотивов происходило уже после выхода сапиенсов из Африки, а число мотивов, предположительно принесенных ими с африканской прародины, очень невелико (Березкин, 2009; Березкин, Боринская, 2014; Berezkin 2010a; 2010b; 2010c; 2013).

Довольно близко к центру координат находятся традиции, известные по ранним письменным источникам: китайская, индийская, греческая, скандинавская («Эдда»). Отчасти это вызвано тем, что набор мотивов в них обеднен по сравнению с устным фольклором. Тем не менее все эти традиции локализованы в том же направлении от центра координат, что и богато представленные в базе данных традиции Кавказа, Южной Сибири, Поволжья и Западной Европы.

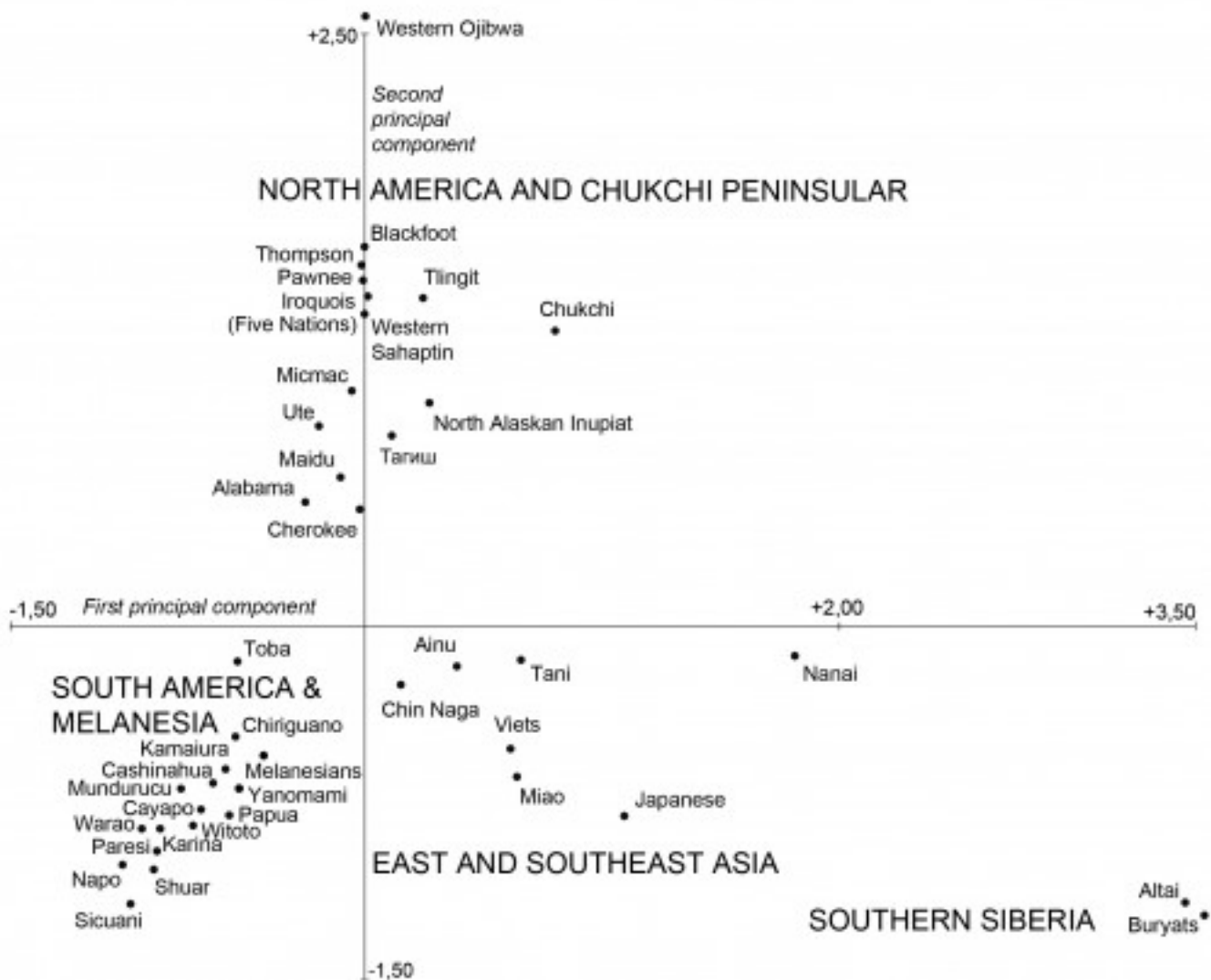

Рис. 8. Положение 41 традиции циркумтихоокеанского региона по результатам анализа распространения 1019 мотивов.

О сходстве фольклора и мифологии Америки и Меланезии свидетельствуют и результаты обработки данных о распределении 1019 мотивов в 41 традиции циркумтихоокеанского региона (рис. 8). Мы снова отобрали те традиции, которые наиболее полно представлены в базе данных. Традиции показаны в пространстве 1 ГК и 2 ГК. Заметна не только близость южноамериканских и меланезийских традиций, но и их относительная гомогенность, тогда как разброс североамериканских традиций выше. Это естественно, раз проникновение азиатских мигрантов в Северную Америку происходило на протяжении длительного времени, а в Южной в основном сохранилось наследие одних только ранних групп. Первая ГК показывает, что континентальные традиции Южной Сибири (алтайцы и буряты) с их типичным для бореального комплекса наборами мотивов далеко отстоят от американских традиций, причем от южноамериканских немного дальше, чем от североамериканских. Чукчи ближе всего к эскимосам Аляски и к тлинкитам, нанайцы занимают промежуточное положение между Южной Сибирью и Северной Америкой.

Не только южно- и североамериканские наборы мотивов связаны с разными традициями Старого Света, но и в пределах одной лишь Северной Америки различия в наборах мотивов определяются их разными азиатскими источниками.

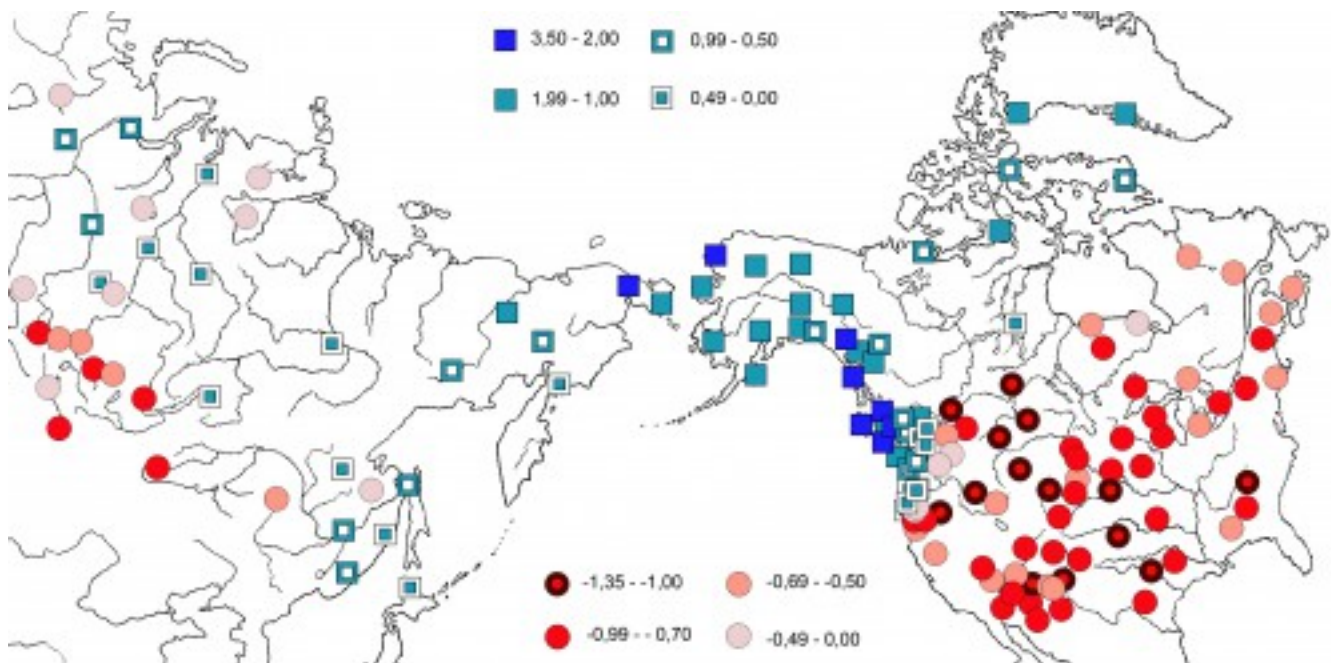

Рис. 9. Положение 156 сибирских и североамериканских традиций по результатам анализа распространения 582 мотивов, зафиксированных в обоих регионах. Вторая ГК.

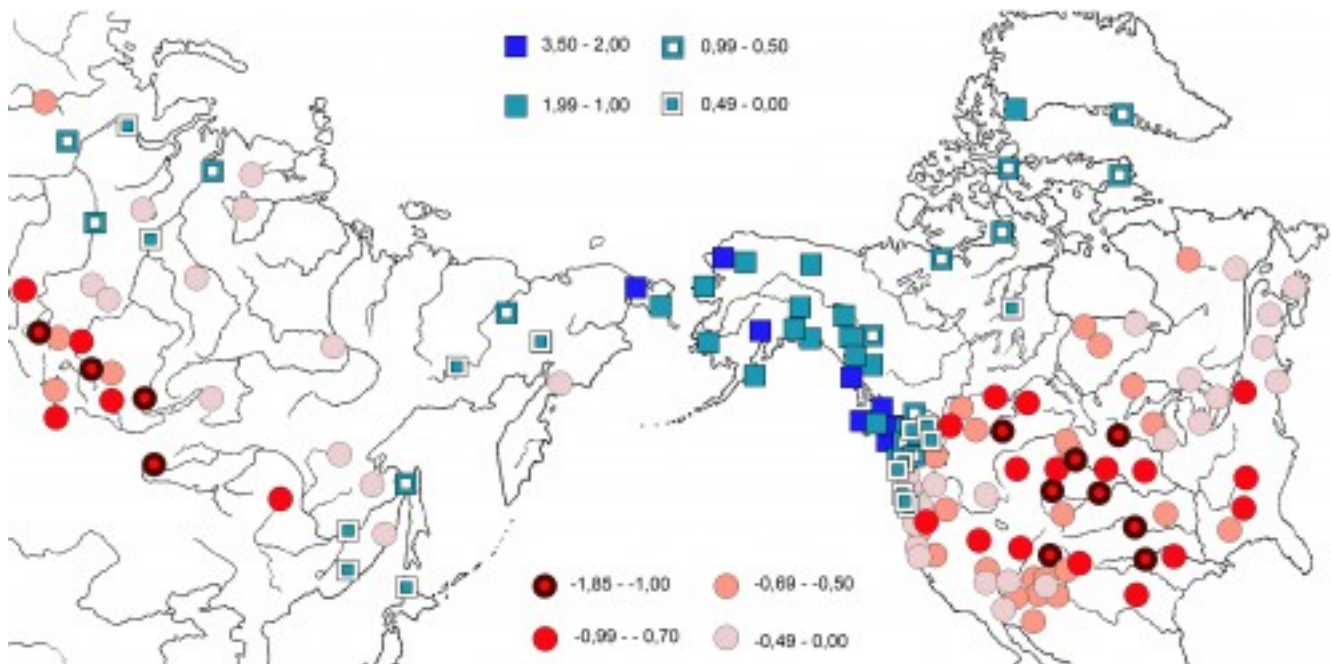

Рис. 10. Положение 156 сибирских и североамериканских традиций по результатам анализа распространения 200 мотивов, наиболее характерных для обоих регионов. Вторая ГК.

Чтобы продемонстрировать это, были проанализированы результаты распределения 582 мотивов по 156 традициям Северной Америки и Сибири (плюс коми и айны). Были отобраны лишь те традиции, которые изучены наилучшим образом (не менее 60 мотивов из списка), и лишь те мотивы, которые встречаются как в Северной Америке, так и в Сибири (рис. 9). Затем число мотивов было уменьшено до 200 и отобраны только те, которые наиболее характерны для данных регионов (рис. 10). Результаты в обоих случаях сходны, но при более тщательном отборе мотивов тенденции видны четче. Первая ГК противопоставляет азиатские традиции американским, что ожидаемо, но тенденция, которую отражает 2 ГК, нетривиальна. Наборы мотивов у индейцев Великих Равнин и сопредельных территорий обнаруживают больше всего параллелей на юге Сибири и в Монголии, а наборы мотивов на американском северо-западе – в таежной и тундровой зонах Сибири. Этот второй комплекс более всего выражен в Западной Сибири, на северо-востоке Азии и на Нижнем Амуре (Березкин 2006). В Восточной Сибири он сглажен и причина понятна: недавнее проникновение с юга тунгусов и якутов. Первый комплекс мотивов явно попал в Америку раньше второго. Предполагать прямой марш-бросок из Южной Сибири в Альберту нереально. Чтобы мотивы, характерные для Южной Сибири, оказались на Великих Равнинах, они должны были некогда быть распространены и в Берингоморье, где в дальнейшем оказались вытеснены новыми мотивами, распространявшимися из таежной Сибири на Аляску.

Где граница Европы и Азии

В настоящий момент наша база данных содержит информацию о распространении более 2000 мотивов по почти тысяче традиций мира. При обработке данных по Новому Свету (рис. 1–4) были использованы все мотивы, встречающиеся в Америке. При сравнении Нового Света со старым (рис. 5–7) те мотивы, которые характерны для евразийского сказочного фольклора и, по-видимому, распространились в последние тысячелетия, были исключены. Из-за своей многочисленности они бы затушевывали трансконтинентальные связи, которые сформировались значительно раньше. Теперь мы обратимся как раз к позднему евразийскому сказочному фольклору. Цель – посмотреть, представляет ли Нуклеарная Евразия единое информационное пространство или в ее пределах существуют внутренние границы (Березкин 2015б; Berezkin 2015).

Примерно с эллинистического/ханьского времени благодаря росту населения, развитию средств сообщения, дальней торговле и пр. на территории от Средиземноморья до Индии и Китая обмен информацией между отдельными обществами усилился. Процесс этот начался раньше, но в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. он стал уже явно заметен. Именно тогда начинается движение по Великому Шелковому Пути. Ориентировочно в это же время возник и сказочный фольклор. Сказки отличаются от мифов не сюжетами, а отсутствием установки на достоверность и сцеплений с конкретными этническими традициями. В контексте Ветхого Завета истории Иосифа и его братьев, Товии, Сусанны и старцев – мифы, а сходные истории в позднем фольклоре, не имеющие сакрального статуса – сказки. Мы отобрали мотивы, характерные именно для сказок и представленные на основной территории Евразии. Те мотивы, которые встречаются только на периферии Старого Света (Сибирь, островная Юго-Восточная Азия, Океания, Африка южнее Сахары) из рассмотрения были исключены (рис. 11).

Первая ГК факторного анализа отделяет традиции Нуклеарной Евразии от периферийных. Поскольку, как только что было сказано, мотивы, встречающиеся только на периферии Евразии, во внимание не принимались, такой результат был предсказуем. Интересней и неожиданнее оказалась тенденция, которую отражает 2 ГК.

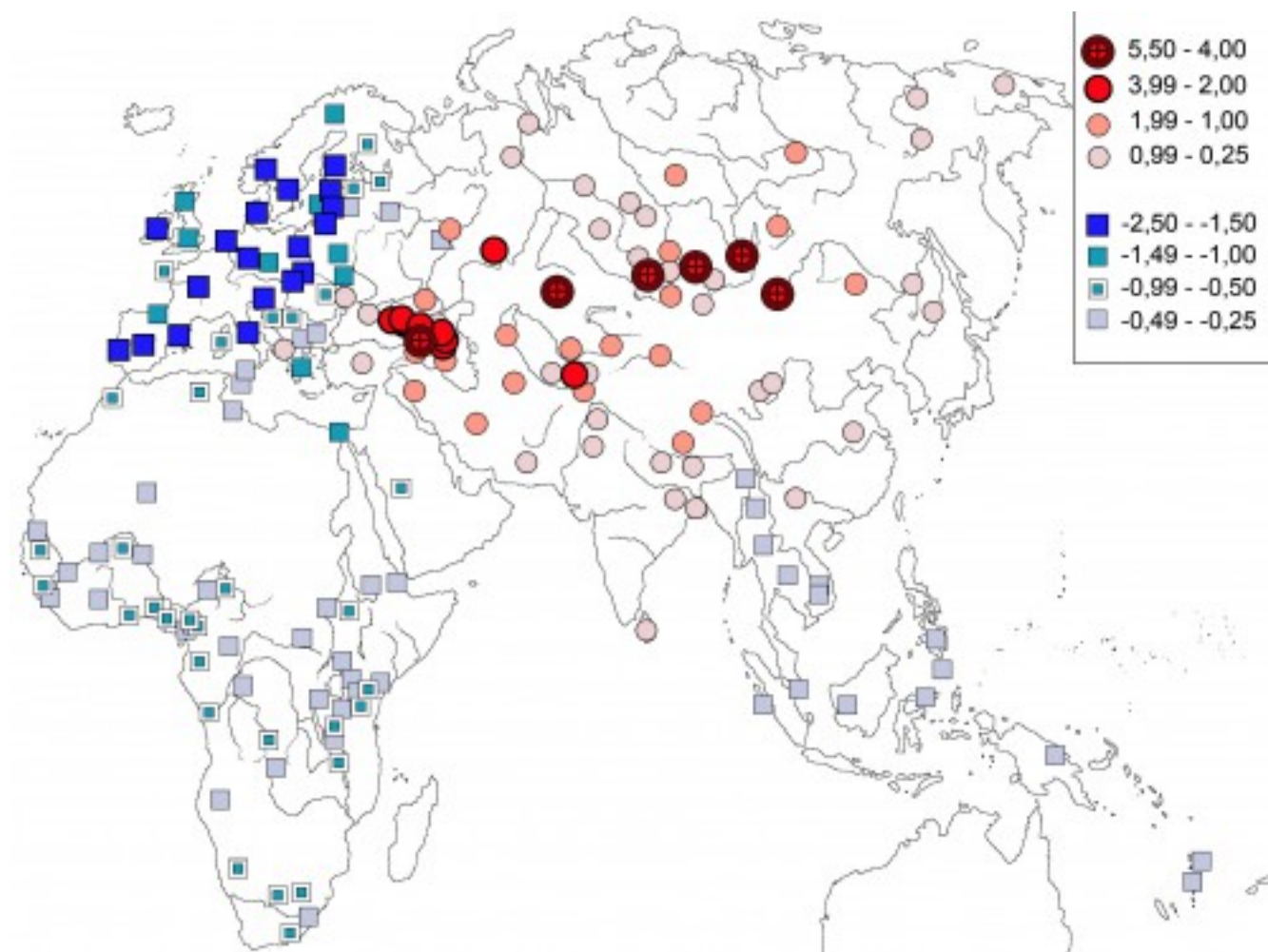

Рис. 11. Результаты анализа распределения 548 приключенческих и трикстерских мотивов, известных в Нуклеарной Евразии, по 309 традициями Старого Света. Вторая ГК.

Эта компонента противопоставляет наборы мотивов в фольклорных традициях Западной Европы (с прилегающими Африкой и арабским Ближним Востоком) наборам мотивов в традициях Кавказа, Ирана, Казахстана, Средней и Центральной Азии и Тибета (с прилегающей Сибирью). Наиболее типичным «европейским» фольклором обладают немцы, итальянцы, шведы, латыши, поляки, каталонцы, испанцы, а наиболее типичным «азиатским» – казахи, буряты, грузины, алтайцы, тувинцы,

монголы. Не следует придавать слишком большого значения тому месту, которое отдельные традиции занимают в обоих комплексах. По мере включения новых данных этот порядок меняется, так что самыми «азиатскими» могут легко оказаться не казахи, а буряты, а французы могут вытеснить каталонцев. Тем не менее основной состав данных комплексов стабилен, по крайней мере он не поменялся после включения в каталог более 500 новых текстов. Также на результаты не оказало влияния ни некоторое расширение списка привлекаемых к анализу мотивов, ни его сокращение.

В Восточной Европе граница между западным и восточным комплексами мотивов тянется широкой полосой с севера на юг. Фольклор финнов, эстонцев, латышей, литовцев – типичный «западный». У саамов Норвегии, Швеции и Финляндии, ливов, украинцев и белорусов «западный» тренд чуть слабее, но принадлежность данных традиций к «западным» также сомнений не вызывает. Фольклор всех народов Кавказа, башкир и в немного меньшей степени казанских татар – типичный «восточный». У крымских татар и гагаузов слегка преобладает «восточный» тренд, а у русских, мордвы и сету – «западный». В карельском, вепском и водском фольклоре западный компонент ощущается сильнее, чем у русских и сету, но слабее, чем у финнов или эстонцев. Но поскольку данных по води и вепсам существенно меньше, чем по карелам и сету, точное место этих традиций определить затруднительно. Фольклор восточных саамов, коми, удмуртов, марийцев и чувашей занимает нейтральное положение между двумя комплексами (на карте на рис. 9 нейтральные традиции не показаны).

В Передней Азии граница между западным и восточным комплексами отделяет арабские традиции от тюркских и иранских. Интересна ситуация на юге Балкан и в центральном Средиземноморье. Фольклор греков и арабов Египта вполне «западный» (примерно в той же степени, как украинский или белорусский). У сербов, хорватов и румын также преобладает «западный» тренд, но выражен он не столь сильно. Еще слабее (на том же уровне, что у русских) «западный» тренд представлен в Болгарии, Македонии, на Сицилии, Мальте и в Ливии. Фольклор арабов Туниса занимает нейтральное положение (не показан на карте). Албанский фольклор – в своем регионе единственный, в котором немного преобладает не «западный», а «восточный» тренд (примерно в той же степени, что у турок). Боснийцы, как и тунисцы, занимают нейтральное положение и на карте не обозначены, но данных по их фольклору для окончательных выводов пока недостаточно.

Читатель в праве засомневаться, каким образом близкородственные и заведомо похожие по сюжетному составу традиции демонстрируют столь значительные различия: украинцы и белорусы уверенно попадают в «западный» комплекс, а русские – тоже попадают, но «западных» мотивов в русском фольклоре лишь ненамного больше, чем «восточных». То же и в связи с сету. Хотя сету давно исповедуют православие и прожили на территории России дольше эстонцев, фольклор сету все же явно похож на эстонский, однако «западный» тренд у эстонцев гораздо лучше выражен, чем у сету. Еще один пример подобных различий между родственными традициями – уверенно «западное» положение скандинавских саамов и нейтральное – саамов Кольского полуострова.

Вторая ГК отражает всего лишь 4% той информации, которую обработала статистическая программа. Соответственно без обращения к статистике «западный» или «восточный» тренды в наборах мотивов, зафиксированных в определенных традициях, вряд ли вообще можно заметить. Однако это не значит, что речь идет о незначительной случайности. В русской, украинской, татарской и любой другой фольклорной традиции можно найти множество разнообразных параллелей с другими традициями. Но только на основе той информации, которая соответствует 2 ГК, все традиции Нуклеарной Евразии удастся ориентировать относительно некоего общего репера. Полученные данные позволяют заключить, что обмен информацией между группами людей был достаточно интенсивным на всей территории от Кавказа до Монголии, равно как и в пределах Европы от Атлантики до Днепра. Обмен же информацией между этими двумя зонами на протяжении последних столетий был менее интенсивным. Насколько «менее» и можно ли подобный процесс вообще как-то измерить – это пока неясно.

Следует обратить внимание на разную степень выраженности «западного» тренда в традициях Африки южнее Сахары, с одной стороны, и Индокитая, островной Юго-Восточной Азии и Меланезии, с другой. В Африке соответствующие индексы выше и реальные связи территорий к югу от Сахары со Средиземноморьем не вызывают сомнения, о чем мне приходилось писать еще до обращения к статистике (Березкин 2013: 277). В Южной и Восточной Азии незначительно преобладает – вполне ожидаемо – не «западный», а «восточный» комплекс, а японский фольклор в этом смысле нейтрален – закономерное сочетание восточноазиатского фона и обильных европейских заимствований. Но как объяснить незначительное преобладание западного комплекса в Индокитае, Индонезии и на Новой Гвинее? Если бы речь шла о поздних европейских заимствованиях, то они могли бы скорее встретиться на Тиморе, чем в Верхней Бирме, а для фольклора папуа говорить о европейском влиянии вообще нелепо.

Можно предполагать, что в масштабах Старого Света «западный» комплекс является более ранним, традиционным, тогда как «восточный» представляет собой новообразование, возможно, связанное с экспансией культур востока евразийского степного пояса на протяжении последних двух тысяч лет. Характерно, что условные индексы для «восточного» комплекса по абсолютным значениям вдвое выше индексов западного комплекса (+5,1 у казахов, +4,5 у бурят, но лишь -2,3 у немцев, итальянцев и шведов). Соответственно легкий перевес «западных» мотивов в традициях, которые не могли иметь с западным комплексом исторических связей, означает лишь то, что в западном комплексе меньше инноваций, чем в восточном.

Что касается вероисповедания как фактора, потенциально ответственного за выявленную картину, то его воздействие не стоит преувеличивать. Турецкая экспансия на Балканах и в Средиземноморье, вероятно, сыграла свою роль в распространении

«восточных» мотивов у албанцев, но Грузия и Армения, сохранив христианство, не стали «фольклорным западом».

Заключение

Электронная версия нашей базы данных (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>) обновляется раз в год. Сейчас в ней порядка 50 тысяч резюме текстов. Однако число фольклорных текстов, записанных и опубликованных на разных языках, как минимум на порядок (если не на два порядка) больше. Наша цель – равномерно отразить фольклорные традиции всех регионов, без чего их статистическое сравнение невозможно. По мере того, как число обработанных текстов увеличивается, удается выявить все новые закономерности ареального распределения мотивов, которые при более низкой степени разрешения оставались незаметны. Это значит, что изучение ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов имеет неограниченный потенциал, этим стоит заниматься. Проблема лишь в том, что специалистам по фольклору историческая проблематика, как правило, безразлична, а археологи, генетики и лингвисты-компаративисты, к которым данные исследования адресованы, сами сбором и обработкой фольклорных данных заниматься, по понятным причинам, не станут. Так что будущее нашего проекта весьма туманно.

Работа поддержана грантами РФФИ № 14-18-03384, «Истории, пересказываемые тысячелетиями: реконструкция динамики глобального распространения фабульных и образных элементов устных нарративов» и РФФИ № 14-06-00247, «Этапы и факторы формирования фольклорно-мифологических традиций Западной Евразии»

Я благодарен Л.С.Клейну за возможность разместить статью на данном сайте.

Список литературы:

Березкин Ю.Е. 1998. Статистическая оценка связей между америндейскими мифологиями. К проблеме расселения человека в Новом Свете // Историко-культурные связи между коренным населением тихоокеанского побережья северо-западной Америки и северо-восточной Азии. К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Материалы международной конференции (Владивосток, 1-5 апреля 1998 г.). Под редакцией А.Р. Артемьева. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН. С. 8-22.

Березкин Ю.Е. 2005. Оценка древности евразийско-американских связей в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии 1 (21): 146-151.

Березкин Ю.Е. 2006. Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, северо-востоком Азии и Приамурьем – Приморьем (к реконструкции раннего состояния сибирской мифологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (27): 112-122.

Березкин Ю.Е. 2007. Космогонические сюжеты «ныряльщик за землей» и «выход людей из земли» (о гетерогенном происхождении американских индейцев) // Археология, этнография и антропология Евразии 4 (32): 110-123.

Березкин Ю.Е. 2009. Фольклор и мифология Африки в свете представлений о прародине человека // Вестник РГГУ 9: 18-43.

Березкин Ю.Е. 2010а. Кадьяк в культурном пространстве Северной Пацифики // Эскимосы аляутиик. Каталог коллекций Кунсткамеры / Автор-сост. С.А. Корсун. СПб.: Наука. С. 421-450.

Березкин Ю.Е. 2010б. Мифологические объяснения смертности человека и проблема происхождения на-дене // От бытия к инобытию. Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб.: МАЭ РАН. С. 7-50.

Березкин Ю.Е. 2013. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб: Наука.

Березкин Ю.Е. 2015а. Низкое небо: азиатско-африканская версия универсального мотива // Радловский сборник 2014. СПб: МАЭ РАН. С. 17-26.

Березкин Ю.Е. 2015б. Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или где Запад граничит с Востоком // Антропологический Форум 26 (в печати).

Березкин Ю.Е. Боринская С.В. 2014. О чем говорили наши далекие предки // Природа 12: 48-54.

Котляков В.М. Величко А.А. Васильев С.А. (отв. ред-ры). 2014. Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях

меняющейся природной среды. Атлас-монография. М.: ГЕОС. 518 с.

Малиновский Б. 2004. Миф в первобытной психологии // Бронислав Малиновский. Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН. С. 285-334.

Пропп В.Я. 1976. Эдип в свете фольклора // В.Я. Пропп. Фольклор и действительность, избранные статьи. М.: Наука. С. 258-299.

Berezkin Yu. 1998. Central and South American Indian mythologies: first results of computer processing // *Acta Americana* (Stockholm – Uppsala) 6 (1): 77-102.

Berezkin Yu. 2002. Some results of comparative study of American and Siberian mythologies: applications for the peopling of the New World // *Acta Americana* (Stockholm – Uppsala) 10 (1): 5-28.

Berezkin Yu. 2005. Continental Eurasian and Pacific links in American mythologies and their possible time-depth // *Latin American Indian Literatures Journal* 21(2): 99-115.

Berezkin Yu. 2010a. The emergence of the first people from the underworld: Another cosmogonic myth of a possible African origin. *New Perspectives on Myth. Proceedings of the Second Annual Conference of the International Association for Comparative Mythology*. Haarlem: An African Journal of Philosophy. P. 109-125.

Berezkin Yu. 2010b. Selecting separate episodes of the peopling of the New World: Beringian–Subarctic–Eastern North American folklore links // *Anthropological Papers of the University of Alaska* 5 (1-2): 257-276.

Berezkin Yu. 2010c. Sky-maiden and world mythology. The dispersal of modern man and the areal patterns of folklore-mythological motifs // *Éditions littéraires et linguistique de l'Université de Grenoble* 31: 27-39.

Berezkin Yu. 2015. Spread of folklore motifs as a proxy for information exchange: contact zones and borderlines in Eurasia // *Trames. Journal of Humanities and Social Sciences* 19 (1): 3-13.

Bascom W.R. 1954. Four functions of folklore // *Journal of American Folklore* 67: 333-349.

Bierhorst J. 1985. *The Mythology of North America*. New York: Morrow. 259 p.

Bierhorst J. 1988. *The Mythology of South America*. New York: Morrow.

Bierhorst J. 1990. *The Mythology of Mexico and Central America*. New York: Morrow.

Dundes A. 1962. Earth-diver: creation of the mythopoeic male // *American Anthropologist* 64(5), part 1: 1032-1051.

Fuller D.Q., Bovine N., Hoogervorst T., Allaby R. 2011. Across the Indian Ocean: the prehistoric movement of plants and animals // *Antiquity* 85 (328): 544–558.

Hatt G. 1951. The corn mother in America and in Indonesia // *Anthropos* 46 (5-6): 853-914.

Thompson S. 2000. *Tales of the North American Indians*. Mineola, New York: Dover Publications. (Originally published in 1929 by Harvard University Press).

Uther H.-J. *The Types of International Folktales*. Vol. 1-3. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.

Waterman P.P. 1987. *A Tale-Type Index of Australian Aboriginal Oral Narratives*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia. 173 p.